

В конце семидесятых Татьяна вместе с мужем, свекровью и малолетним сыном эмигрировала из Союза в Америку. С тех пор прошло много лет. Большая часть Татьяниной жизни была прожита в Штатах. Свекровь умерла, дожив до глубокой старости. Муж тоже умер. Много и тяжело работал и заработал обширный инфаркт. Не спасли. До старости не дожил. Сын вырос, завёл свою семью, уехал в другой город. Татьяна, проработав тридцать лет медсестрой в городской больнице, вышла на пенсию.

Со вторым замужеством у Татьяны так и не сложилось, хотя было несколько достойных бойфрендов и даже претендентов не только на её сердце, но и на руку. Сама виновата. Не хотелось начинать заново семейную жизнь, которая в зрелом возрасте, сопряжённая с богатым опытом и осознанием прошлых ошибок, превратилась бы в «разбор полётов». Это уже дополнительный стресс. А Татьяна жаждала покоя. И она его получила. В избытке. Жила одна, в хорошем районе Бруклина, в небогато, но уютно обустроенной кооперативной квартире, окружённая книгами и воспоминаниями, с которыми хотела, но так и не сумела расстаться.

Сын звонил редко, приезжал в гости и того реже. Обычная история детей иммигрантов, рождённых или выросших в Америке. Как только птенцы отращивают крылья, они вылетают из родового гнезда, вкушают свободу от родительской опеки и не хотят возвращаться к родным пенатам. Тот ребёнок и подросток, которого Татьяна обожала и который любил мать, трансформировался в чужого, делового, рассудочного человека. Обидно, горько, но Татьяна смирилась, ибо она не могла изменить то, что изменить было невозможно.

Иногда состояние стабильного покоя оборачивалось мучительной тоской и безысходностью, аж выть хотелось. И тогда Татьяна уезжала в турпоездки галопом по Европам. А ностальгия по юности гнала её в Москву. Там она встречалась с оставшейся горсткой одноклассников и родственников, испытывая иллюзию возврата в молодые годы.

Среди одноклассников была Татьянина первая любовь — Вадим. Ныне крутой бизнесмен, взращённый и не сломленный среди хаоса девяностых, при солидных деньгах и личном водителе, Вадим

каждый раз устраивал Татьяне радушный и воистину купеческий приём, катал её по Москве, водил в рестораны, кафе и парки, в которых они прогуливались, сживали и целовались в юности. Они проезжали мимо гостиниц, где позже, в молодости, не только целовались. . . Теперь же, в зрелые годы, их встречи были светлыми и невинными, сама нежность и дружба. Татьяна не хотела опошлять память о первой любви банальным романом молодых людей. Вадим был согласен с Татьяной, не настаивал на интима. (Видимо, ему вполне хватало интима дома с женой и где-то ещё. . .) Их давний роман и даже эти невинные встречи хранились в тайне от жены Вадима Сони, которая при одном упоминании о Татьяне непременно была запозорила любовный флирт на новом средневозрастном витке: мол, седина — в голову, бес — в ребро.

Планируя свой последний приезд в Москву, Татьяна заранее ничего не сообщила Вадиму, решила сделать ему приятный юбилейный сюрприз. Шестьдесят лет всё-таки! Но так уж получилось, что на сей раз судьба сделала сюрприз Татьяне. Сюрприз страшный. От одноклассников Татьяна узнала, что Вадима, её некогда нежно любимого мальчика, больше нет: заболел скоротечным раком и через несколько месяцев умер. Похоронен на их семейном участке (вместе с родителями, бабушкой и бабушкой) на Ваганьковском кладбище.

Так бывает, люди смертны, и часто смерть наступает свою жертву внезапно, как бандит из-за угла.

Несколько дней Татьяна не могла прийти в себя. Она не плакала, слёз не было. А выплакала бы своё горе — может, и легче бы стало. Женщина словно окаменела, сидела в квартире подруги Риты, у которой остановилась, уставившись в одну точку, и думала о том, что те, кто её любил и кого любила она (муж и Вадим), ушли в мир иной. Значит, скоро наступит и её, Татьянин, черёд отправляться вслед за ними. Ибо она привыкла всю жизнь находиться в состоянии влюблённости. А раз предмета влюблённости больше нет, следовательно, и незачем жить. Татьяна не спала ночь, не отвечала на телефонные звонки друзей и не знала, что ей теперь делать в Москве. Без Вадима Москва для Татьяны опустела. Пребывание здесь потеряло для неё всякий смысл. Она думала, не обменять ли билет

и не вернуться ли в Нью-Йорк как можно скорее. Но потом всё же решила перед возвращением в Штаты сходить на кладбище, на могилу Вадима. Подруга Рита по-прежнему жила на Пресне. До Ваганькова в прямом смысле — рукой подать.

Стоял тёплый сентябрьский день. Листья на деревьях наполовину пожелтели, но ещё не опали. Город проснулся в тонкой прохладной дымке, сквозь которую чувствовалось приближение осени. Будто она приостановилась на пороге и раздумывает, войти в свои права или ещё немного обождать.

Рита не хотела отпускать Татьяну на кладбище одну, но та заупрямилась.

— Ты прости меня, Ритуля, но я пойду на его могилу сама. Мне сопровождающие в этом деле не нужны. Не переживай за меня. Ни обморока, ни сердечного приступа не будет. Обещаю.

По дороге Татьяна зашла в цветочный магазин и купила букет сиреневых астр — символ осенней грусти. Перед входом на кладбище, в офисе, Татьяне дали карту Ваганькова с координатами могилы Вадима. Она брела по узким аллеям и вспоминала, как давным-давно, в школе, мальчишки бегали на Ваганьково, пролезая через дыру в заборе, ломали там ветки черёмухи и сирени и дарили любимым девочкам. Такой был у них в классе ритуал.

Но черёмуха цветёт в конце мая, а сирень — в начале июня. Всё это давно отцвело, как и моя жизнь, — думала Татьяна.

Ваганьковское кладбище растянулось на юго-востоке Москвы огромным городом мёртвых. Татьяна долго блуждала среди могил. Остановилась перед памятниками Владимиру Высоцкому и Андрею Миронову. На фоне ореола их популярности и славы прошли Танины юность и молодость.

Наконец Татьяна нашла могилу Вадима. За свежеекрашенной оградой — аккуратный холмик свеженасыпанной земли с крестом и фотографией уже не молодого, но и не пожилого Вадима, того мужчины, с которым она встречалась в свои первые приезды в Москву. Рядом с могилой — клён, ещё не растерявший свою листву. Памятник пока не поставили. На холмике лежали венки и букеты не успевших увянуть цветов. Розы, астры, васильки. Видно, на эту могилу приходили часто...

Татьяна положила свой букет астр под фотографией Вадима и присела на деревянную скамейку. — Ну вот и свиделись, Вадик! — сказала Татьяна. — Думаю, что это наша с тобой последняя встреча в Москве. Сюда я больше не приеду. Без тебя мне в этом городе делать нечего. Следующее свидание будет у нас на том свете...

Татьяна сидела на скамейке, смотрела на портрет Вадима и вспоминала историю их любви с седьмого класса... и после школы. Она была настолько погружена в воспоминания, что не заметила, как к могиле подошла полная пожилая женщина

в чёрном, с растрёпанными ветром полуседыми, полувыкрашенными в блонд волосами и бледным, опухшим, в красных разводах от слёз лицом.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Мы с вами знакомы? — строго и как-то нервно спросила женщина Татьяну и просверлила её острым взглядом прищуренных то ли от солнца, то ли от близорукости глаз.

Та от неожиданности вздрогнула, повернулась к женщине лицом. Смутилась, как будто её застали за каким-то тайным или запретным делом:

— Я, я... Татьяна, одноклассница Вадима. А вы, видимо, его жена Соня. Так ведь?

— Да! Я — его жена. А вы, Татьяна, насколько я помню по рассказам мужа, наверное, его первая любовь... Видите, я в курсе.

— Она самая, первая любовь. А я и не скрываю. У всех людей была когда-то первая любовь. А у кого её не было, того Всевышний, можно сказать, обделил.

— Так, оставим философию. Скрывай — не скрывай, от меня всё равно не скроешься. Как вы здесь оказались? Откуда вы узнали о смерти моего мужа? Вы же вроде в Америке живёте, — сказала Соня и устало рухнула на другой конец скамейки.

На её лице отразились недовольство и нескрываемая неприязнь к этой «незваной иностранной гастролёрше», присутствие которой нарушало Сонино личное пространство, как бы претендуя на её собственного мужа, хоть уже покойного.

Только её мне здесь сейчас и не хватало, — с раздражением подумала Соня.

— Как я здесь оказалась? — от волнения Татьянин голос дрожал. — Я вообще-то москвичка, как и вы, и иногда приезжаю в родной город. Имею право. У меня, видите ли, здесь остались друзья и родственники. Вот пару дней назад я прилетела и... узнала от знакомых, что Вадима больше нет. И я глубоко сочувствую вашему горю, Соня. Я понимаю, что такое потерять мужа. Я тоже — вдова.

Раз вдова — сидела бы лучше дома, в Нью-Йорке, и горевала на могиле своего мужа, чем по могилам чужих мужей таскаться, — хотела сказать Соня, но благоразумно промолчала. Она не знала, как и что говорить этой элегантно одетой русской американке, которая своим неожиданным присутствием испортила очередной Сонин приход на могилу Вадима. Соня приходила сюда почти каждый день, приносила свежие цветы и мысленно разговаривала с мужем, рассказывала ему о делах семейных, о детях и внуках. Так она коротала вдовьи дни.

— Вы понимаете? Сомневаюсь. Если бы понимали, не оказались бы здесь сейчас вместе со мной. Ушли бы сразу, что ли, увидев меня, — резко сказала Соня.

Татьяна покраснела, осознав неуместность своего присутствия вместе с Соней у могилы Вадима и неловкость возникшей ситуации, опомнилась и несколько охладила свой пыл.

— Соня, вы, пожалуйста, не беспокойтесь, я сейчас уйду, не буду вам мешать.

— Вы уже помешали. Да сидите уж, раз из Америки приехали, — неожиданно смягчилась Соня, оценив вежливость и тактичность Татьяны. — Так вот вы какая, оказывается! Моложавая, стильная, всё ещё красивая. Впрочем, я, пожалуй, была по-красивее вас, да и ростом выше. Это горе меня к земле придавило... Когда-то в молодости Вадим мне о вас рассказывал, — добавила она, щурясь на солнце и продолжая пристально, до неприличия вьедливо разглядывать Татьяну.

— Рассказывал? И что же он вам обо мне рассказывал? В какой связи? Любопытно узнать... после столько лет.

— Не так уж и много... Ну, что вы его первая любовь, что у вас был школьный роман, который прервался, когда Вадик в девятом классе переехал на новую квартиру и перешёл в другую школу. Там, в этой школе, мы с ним и познакомились и полюбили друг друга. Что вроде вы с ним больше не встречались и даже не перезванивались... Да, вот ещё что. И это важно! Почему-то после окончания одиннадцатого класса и трёхлетнего перерыва вы ему неожиданно позвонили и пригласили на свой день рождения. С чего это вдруг вы прорезались и решили вспомнить первую любовь? Тут уже я встала на дыбы и не пустила его.

— Что? Что вы сказали? Повторите! — Татьяна не верила своим ушам.

— Повторяю. Я его не пустила на ваш день рождения, — отчётливо сказала Соня.

Какое-то время Татьяна молчала, ловила ртом воздух, потом всё же ответила Соне:

— Ах, вот оно что. Вы его просто взяли и не пустили... Так сказать, держали на коротком поводке. Мол, Вадик, к ноге! А я-то, дурочка, всё недоумевала, почему он не только не приехал, но даже не поздравил меня с днём рождения и не извинился. Это было на него совсем не похоже... Он любил меня и очень нежно, трепетно ко мне относился.

Вот тайна и раскрылась. Она его не пустила, женила на себе, и он на несколько лет исчез из моей жизни. Потом, правда, он появился снова... но уже в другой роли, — мысленно подвела итог Татьяна.

— Да, вот так взяла и не пустила! Тем более что, как вы изволили сказать, он трепетно к вам относился. А что бы вы хотели? У нас была любовь в самом разгаре, и даже день свадьбы уже назначен. Если бы он поехал к вам на день рождения, это могло бы как-то нарушить все наши планы. Говорят, старая любовь не ржавеет. Я боялась, не хотела рисковать. И правильно сделала. Он к вам не поехал. Мы поженились и прожили с Вадимом сорок два года, вырастили двоих детей. У нас трое внуков.

Господи, надо немедленно прекратить эту банальную перепалку соперниц, тем более что Вадим

мёртв и делить нам некого, разве что символ! — подумала Татьяна:

— Да, да! Соня, вы были умной, предусмотрительной девушкой и всё сделали правильно, — в голосе Татьяны всё ещё звучала ирония. — Вы боролись за своё счастье. Мой день рождения без Вадима сыграл решающую роль в наших судьбах. Вы получили Вадима, так сказать, в полную собственность. И наши жизни пошли по разным руслам.

— И что же, вы недовольны своей судьбой? Вы благополучно уехали в Америку, а мы тут пережили перестройку, беспредел девяностых, путчи, кризис и еле-еле выкарабкались на поверхность из этого кошмара. У Вадима был тяжёлый период. Он терял почву под ногами и начал пить. Я спасла его!

— Я благополучно уехала в Америку? Знали бы вы, через что мы прошли в начале эмиграции! — Ну, наверное, у вас были свои трудности. Но важен результат. По вашему виду не скажешь, что вам плохо живётся в Америке.

— Да, я выстрадала и построила свою новую жизнь. Но и вы с Вадиком быстро очухались, поднялись, и, говорят, он стал крутым бизнесменом. Однако до олигарха всё же не дотянул.

— Ваша ирония здесь, на могиле моего мужа, неуместна.

— Простите, Соня! Меня занесло. В общем, что было, то было. И я ни о чём не жалею! Ни о чём!

— Не жалеете, значит? Америка, новая любовь, муж, новая жизнь! Понимаю, Вадим — ваша первая любовь, но... ведь столько лет прошло с тех пор! Целая вечность! Вадика больше нет. Казалось бы, кто и что он для вас сейчас? Просто память о влюблённом подростке! Нет, не просто... Вы приехали сюда, на его могилу и вот, вижу, цветы принесли. Странно всё это! Тут какая-то тайна. Колитесь, Таня! Когда вы в последний раз виделись с моим мужем? Уж теперь-то, на его могиле, вы можете сказать правду.

— В восьмом классе на выпускном вечере! Это была наша последняя встреча, — твёрдо сказала Татьяна.

В ней боролись два чувства: чувство мести бывшей сопернице, которая в юности отняла у неё Вадима, и сострадание убитой горем женщине, которая прожила с мужем столько лет и теперь не знает, что делать с оставшейся вдовьей долей. Сострадание победило.

Прости меня, Вадик, за эту невольную ложь во спасение! Кому теперь нужна горькая для Сони правда? Ни мне, ни Соне, ни тем более тебе. Ты ведь и сам хотел сохранить наши встречи в тайне. Так и будет. Клянись тебе! — подумала Татьяна. И от этой клятвы у неё потеплело на душе...

— И вы вообще больше с ним не встречались и не перезванивались и не переписывались?

— Именно так! Не встречались, не перезванивались и не переписывались.

— Я вам не верю! Вы лжёте. Мой Вадик был интересным мужчиной, с положением, деньгами и... любовницами. И... чего уж теперь молчать! Он был жутким бабником и сердцеедом...

Я об этом догадывалась,— подумала Татьяна.— *Но он был чужим мужем, и меня это не останавливало.*

— Да, я знала о его любовных похождениях,— продолжала в сердцах Соня.— Впрочем, и весь город об этом знал. Мы ссорились, я даже несколько раз прогнала его из дому или сама от него уходила, но потом всё же в конце концов прощала его и возвращалась домой... Очень его любила и не представляла себе жизни без него. Хотя наша жизнь была отнюдь не сахар. Вечные длительные заграничные командировки, и всё больше в жаркие страны. А я до обморока не переносу жару. У меня от жары повышается давление. Кондиционеры в то время были редкостью. И мне хотелось домой— в нашу благоустроенную квартиру на Ленинском проспекте и на тихую подмосковную дачу. В нашу тёплую весну, нежаркое лето и золотую осень. Но я, как преданная жена, всегда ездила с ним, была рядом. А вы, вы приезжаете из Америки, за тысячи километров, приходите на его могилу, сидите тут, горюете. И говорите мне, что между вами, кроме невинных поцелуев в школе, ничего не было. Не верю я вам, и всё!

— Не было! Больше ничего не было. Можете мне не верить. Это ваше дело,— стояла на своём Татьяна.— Да, это моё дело, мой муж и моя будущая могила. Мы жили вместе и вместе будем в земле лежать. И никого всё это не касается,— сказала уже более спокойно Соня.

Какое-то время обе женщины сидели молча на скамейке, уставившись на портрет Вадима. Мягкие сентябрьские лучи солнца освещали его красивое лицо, ещё не тронутое болезнью. Татьяне вдруг показалось, что Вадим улыбнулся ей, заговорщически подмигнул и произнёс в её, Таниной голове: *Умница моя! Спасибо, что сохранила нашу тайну.*

Я умею любить и молчать!— мысленно ответила ему Татьяна.

— Ой! Что же я тут сижу с цветами?— вдруг спохватилась Соня.

Она неожиданно легко подняла со скамейки своё полное тело, подошла вплотную к могиле, заботливо поправила портрет и крест. Поцеловала портрет, потом аккуратно положила рядом с Таниным букетом бордовых астр свой букет, астр сиреневых, и, повернувшись лицом к Татьяне, тихо сказала:

— Так... значит, вы тоже вдова? И давно?

— Да, уже скоро десять лет.

— И как вы справляетесь с одиночеством? У вас есть дети, внуки?

— Да, есть сын и двое внуков. Но они далеко, в другом штате. А я в Нью-Йорке— одна. Сначала было очень горько и больно. Потом постепенно я привыкла к одиночеству. Смирилась. Продолжаю жить, путешествую. Вот приехала в Москву... Пройдёт несколько лет, и вы тоже привыкнете. Супруги только в сказках умирают в один день. (Ну, если, конечно, они не попадают в смертельную аварию.) А в реальности почти всегда один умирает первым, оставляя партнёра или партнёршу в одиночестве, с сознанием вины, что сам остался жить. Вдовья доля незавидная. Одиночество, безысходность, беззащитность, жизнь на семи ветрах.

Они опять помолчали... Соня успокоилась, снова присела на скамейку вполборота к Татьяне, достала из сумочки расчёску и пудреницу, пригладила волосы, припудрила лицо и посмотрела на свою «соперницу» уже не враждебным, а мирным и даже несколько смиренным взглядом:

— На семи ветрах, говорите? Очень верно сказали. Я и есть теперь на семи ветрах. И никому до моего горя нет больше дела. Дети и внуки погрузили и успокоились. Работают, учатся, влюбляются. Их жизнь продолжается, а моя... Ну да Бог с ней, с моей жизнью! А знаете что: мы весной будем ставить Вадика памятник. Я уже и дизайн выбрала. Если хотите, приезжайте. Я не против. Напишу вам на «Фейсбуке» заранее, когда будет открытие памятника.

Татьяна обомлела и даже как-то оробела от Сониных слов, подумала: *А ведь она— добрая женщина, эта Соня, и была Вадика преданной женой. Я бы всё равно не смогла терпеть его романы и вечные командировки в Азию и Африку. Хорошо, что он тогда не пришёл на мой день рождения... Судьба правильно распорядилась.*

— Спасибо за приглашение, Соня! Я постараюсь приехать, если, конечно, обстоятельства позволят. Ну, мне пора! Оставляю вас с ним наедине. До встречи весной,— сказала Татьяна, подошла к Соне, наклонилась и, сама не ожидая от себя, обняла её.

Соня не оттолкнула бывшую соперницу и тихо заплакала.

Подул ветер, и на могилу Вадима посыпались багряно-жёлтые кленовые листья. Осень вступила в свои права.